

- Киселева О. Н. К вопросу о диалектном членении говоров Томской области // Вопросы русского языка и его говоров: Труды Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева. Т. 197. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968б.
- Молотилев А. Говор русского старожильского населения Северной Барабы (Каинского уезда, Томской губ.) // Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск, 1960.
- Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: АН СССР, 1953.
- Светлова В. Н. Особенности глагольных форм в некоторых говорах восточных районов Свердловской области // Учен. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. Кафедра русского языка. Вып. 1. Тюмень, 1960.
- Светлова В. Н. О некоторых фонетических особенностях говоров Тюменского района // Вопросы современного русского языка и диалектологии. Тюмень, 1965.
- Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
- Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1 // Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968.
- Соловьев В. Ф. Особенности говора донских казаков // Сборник ОРЯС имп. АН. Т. 62. № 2. СПб., 1901.
- Толстая С. М. Праславянские типы глагольных основ и их лексическое распределение в русских говорах // Проблемы современной русской диалектологии: Тезисы докл. междунар. конф., 23-25 марта 2004 г. М., 2004.
- Турбин Г. А. Вопросы группировки говоров Южного Урала // Материалы науч. филологической конф. вузов Уральской зоны. Свердловск, 1969.
- Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Ч. 1. Красноярск, 1960.
- Черных П. Я. О формах *итти, идти, итить, идить* // Доклады и сообщения филологического факультета. Вып. VII. М.: МГУ, 1948.
- Чернышев В. И. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда // Сборник ОРЯС имп. АН. Т. 68. № 3. СПб., 1901.
- Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.

ВЕРА
ДМИТРИЕВНА
ЛЮТИКОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ДЕРЕВНИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются различные вопросы, связанные с формированием и существованием диалектной личности, а именно: социокультурное пространство деревни, диалект как необходимое условие народной культуры, сохранность нормативности в диалекте, способность носителя диалекта к продуктивной речевой деятельности.

Социокультурная среда является важным фактором формирования языковой личности. В данном исследовании учитывается, что вся народная культура является диалектной. О культурной значимости диалектов замечательно сказал немецкий лингвист Л. Вайсгербер: «Диалект — это языковое открытие родины... Независимая ценность диалектов состоит в том, что они дают гармонию

внешнего и внутреннего мира, что они действительны...» [Weisgerber 1976: 107]. Народная культура исторически складывалась и передавалась из поколения в поколение. Забвение традиции неизбежно приводит к утрате народных корней в культуре, поэтому изучение диалектов – важнейшая задача науки. «Надо расстаться с представлением о том, что русские диалекты хорошо изучены, в частности, на том основании, что они массово изучены для атласа... В действительности имеющиеся знания об устройстве диалектной части русского национального языка далеко не достаточны» [Калнынь 1991: 234]. Ставя вопрос о современном состоянии диалекта, мы не должны забывать об активном творце этого диалекта. «Речевая организация» носителя языка, его способность к совершению речевой деятельности [Щерба 1957: 25-26] и, в конце концов, сама языковая личность формируются на основе текстов, в которых отражается социокультурная среда.

Свойства носителя диалекта также во многом определяются социокультурными условиями, сложившимися в деревне. О влиянии естественной природной среды на крестьянина писал Н. О. Лосский: «Крестьянин живет близко к природе и получает от нее много впечатлений и знаний, мало доступных горожанину; его деятельность крайне разнообразна и меняется в зависимости от времени года и от погоды; он разводит растения на полях и в огороде, он ухаживает за животными, а в свободное время от этих работ чинит или даже мастерит орудия, необходимые для его хозяйства. Благодаря этой сложной жизни, говорит Михайловский, крестьянин обладает *всестороннею личностью* (выделено нами. – В. Л.)» [Лосский 1957, I: 56]. Отсюда – такие качества личности крестьянина, как «религиозная одаренность, способность к высшим формам опыта, наблюдательность, теоретический и практический ум, творческая переимчивость, изобретательность, тонкое восприятие красоты» [Лосский 1957, II: 20]. Все эти свойства личности непременно проявляются в диалектной речи, а следовательно, в идиолекте. Так, к примеру, любовь к красоте и способность видеть красоту природы развита и у

Г. Барилкин. ПЕЙЗАЖ

исследуемого носителя диалекта, тому подтверждением множество диалектных текстов. Приведем некоторые из них: «*Как толькё черемуха в бело платьё наряжатся, тут на иё нападают отзимки. Несколь не жалко таку красоту нарушать?»*, «*Лазорь во всю ширь и высь. Глазом не охватишь*» (здесь и ниже приведены примеры из речи В. М. Петуховой, носителя говора с. Кодского Шатровского района Курганской области, пограничного с Исетским районом Тюменской области). Условия деревни являются внешними предпосылками формирования личности. Неслучайно деревню очень любил Пушкин: «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю» (А. А. Дельвигу из Малинников; см.: [Пушкин 1979: 198]). Жизнь «по сердцу» создает открытую душу русского человека, ощущение приподнятости духа. По этому поводу можно сравнить признания Пушкина и исследуемого информанта. «Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму» (П. А. Вяземскому из Михайловского; см.: [Пушкин 1979: 167]). Из диалектной речи: «*В деревне живёшь, как шшастья ждёшь, а в городе – как пурга в голове, дорогу ишшёшь, как заблудилася*».

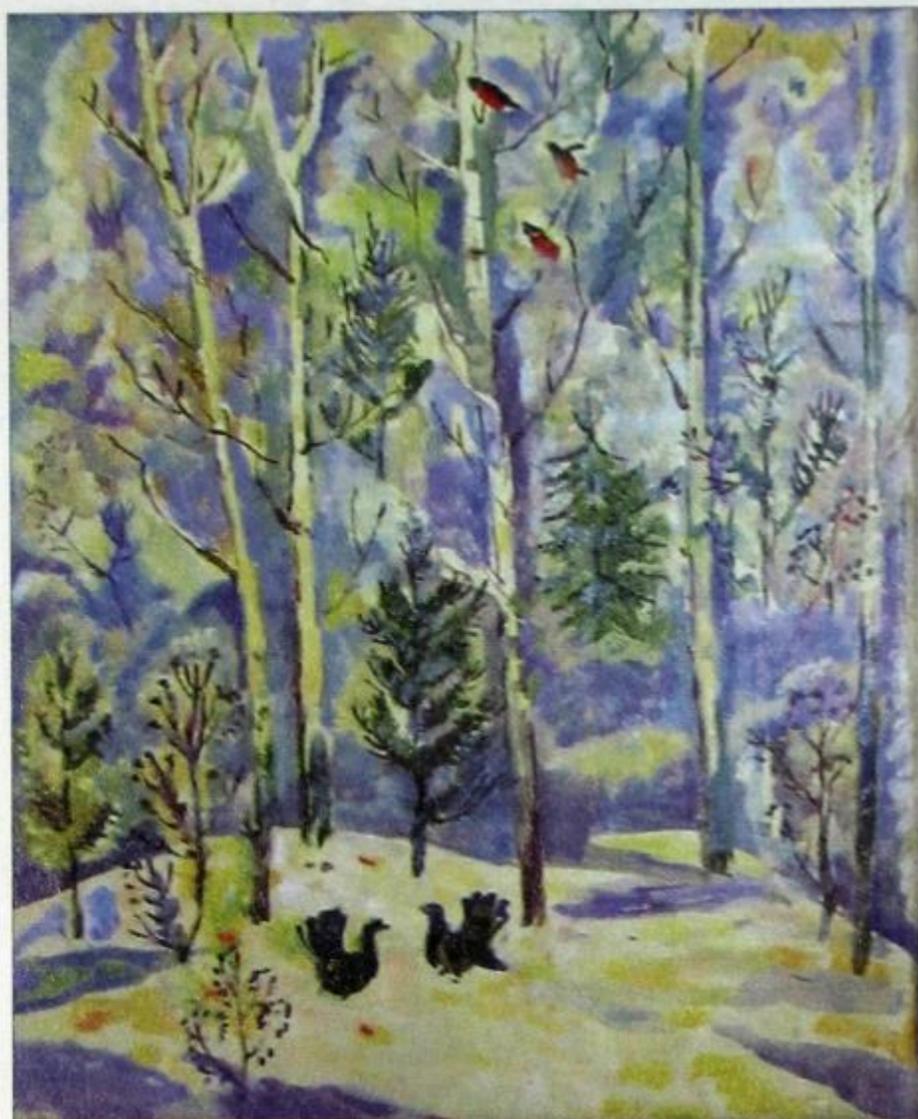
Жизнь «по сердцу» в деревне способствует легкости, естественности и простоте общения между людьми, «без условностей, без внешней привитой вежливости, но с теми достоинствами вежливости, которые вытекают из чужой естественной деликатности» [Лосский 1957, II: 7]. Ср. пословицы, употребляющиеся в речи исследуемого носителя диалекта: «*Плетеницу не плети, а добро слово скажи*», «*По сердцу – слова золоты, без души – медной грош*», «*Слово душевное что хлеб голодному*».

Таких носителей языка общество должно высоко ценить. Однако их называют пережитками, извращающими литературный язык. Показательны в этом отношении мнения студентов III курса химического факультета Тюменского государственного университета (2000 г.). Приведем некоторые из них: «Я знаю случай. Одна мама запрещала своей дочери дружить с девочкой, которая говорила не так, как надо: «Не иди *потудова*, а иди *посюдова*» (Юля Мостовщикова, 572 группа); «Моя школьная учительница (вела географию) на уроках говорила «*вверхь*», «*внизь*», чем очень нас смешила, а потом это стало раздражать» (Люба Филиппова, 571 группа); «Я была знакома с девушкой, которая постоянно оскорбляла свою знакомую, потому что она говорила, как бы сказать, как из глубокой деревни. Ее так и называли «деревня» или «село неасфальтированное» (Валя Григорьева, 571 группа); «Я знаю девушку, которая не любит, когда «сякают» («*встретились*» и др.), она постоянно делает таким людям замечания и все приговаривает: «Ну, ты деревня!». А еще я знаю девушку, у которой сестра вместо «есть» в смысле «кушать» говорит «*исти*», и это не единственный случай. Я сама в таких случаях говорю: «Ну, ты деревня (колхоз)». Я живу в общежитии, и моя соседка по комнате говорит «*баушка*». Мы ее все время «деревней» дразним» (Юля Мамонтова, 571 группа); «Моя подружка часто говорит «*ладом*» вместо «хорошо». Услышав в первый раз такое выражение, мы все были удивлены, смеялись над ней. И теперь, уже даже привыкнув к этому слову, постоянно одергиваем ее, говорим: «Ну, что ты, как колхозница, выражаешься?». У нас в общежитии одна девушка постоянно говорит: «Что-то у меня карты стали *брехать*». Мы ее деревней обзываем. И такую же реакцию вызывают любые подобные фразы, например, «*тупень*» вместо «дурак» (Наташа Попова, 571 группа); «В некоторых местах, например, в деревнях бывают люди так исковеркают слова, что даже понять трудно, они (например, «*пошли ись*») раздражительно действуют на слух (Катя Берлова, 571 группа).

В нашей стране носитель диалекта издавна оценивается как человек, имеющий низкий культурный уровень (ср. русский перевод латинского слова *raganus*,

что означает сельский житель, крестьянин; поселянин; см.: [Дворецкий 1996: 547]). «Культурные» люди «видят в народе или низшую породу людей, или какое-то полудурье» [Салтыков-Щедрин 1972: 334]. Распространенным считалось суждение о том, что русский крестьянин недаровитый. Так, известный русский философ Владимир Соловьев, размышляя об исторической миссии России как примирающего и объединяющего фактора во всем человечестве, высказывал мнение о том, что «русский народ не обладает особенными талантами» [Лосский 1991: 174-175]. А И. П. Павлов вообще отказывал русскому крестьянству в уме: «Возьмем в России этот массовый, то есть крестьянский, ум по преимуществу. Где мы его видим? Неужели в неизменном трехполье или в том, что и до сих пор по деревням летом невозбранно гуляет красный петух, или в бестолочи волостных сходов? Здесь осталось то же невежество, какое было и сотни лет тому назад» [Павлов 1991: 6]. Как известно, для элитарных концепций культуры в целом также характерно сведение народной культуры к культуре массовой, синонимичной с понятиями «низкопробная», «стандартизованная», «бездуховная» [Проблемы мира и социализма 1983, №1: 38-44]. Упрощенный взгляд на культурные ценности так называемых народных масс выражен и у Н. С. Трубецкого: «Под низом мы подразумеваем тот запас культурных ценностей, которым удовлетворяют свои потребности наиболее широкие слои национального целого, т. н. народные массы. Поскольку эти ценности создаются в самой среде народных масс, они сравнительно элементарны и не носят на себе резкого отпечатка индивидуального творчества» [Трубецкой 1995: 126].

Мысль о бесталанности русского крестьянства соответствовала представлению народников о «сплошном» народном мировоззрении. На этот счет М. К. Азадовский в работе «Русские сказочники» приводит цитату из Г. И. Успенского: «Теперь пойдет все сплошь, и сом сплошь прет, целыми тысячами, так, что его разогнать невозможно, и вобла тоже «сплошь идет» миллионами существ, одна в одну, и народ пойдет тоже «один в один» и до Архангельска, и от Архангельска до «Адесты», и от «Адесты» до Камчатки ... Все теперь пойдет сплошное и одинаковое, точно чеканное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужики, и бабы, все одно в одно, один в один, с одними сплошными красками, мыслями, костюмами, с одними песнями. Все — сплошное — и сплошная природа и сплошной обыватель, сплошная нравственность, сплошная правда, сплошная поэзия, — словом — однородное стомиллионное племя, живущее какой-то сплошной жизнью, какой-то коллективной мыслью и только в сплошном виде доступное пониманию. Отделить из этой миллионной массы единицу ... и попробовать понять ... — дело невозможное» [Азадовский 1960: 19-20]. Однако «отделить из этой миллионной массы единицу» оказалось «делом» вполне «возможным». Так, тот же М. К. Азадовский в работе «Русские сказочники» выделяет несколько типов сказителей в зависимости от их индивидуальности: «Среди сказителей встречаются богато одаренные и поэтические натуры — с огромной творческой изобретательностью, и сказочники-передатчики, почти совершенно лишенные творческого воображения или очень скудно им одаренные; есть сказители со склонностью к фантастическим образам, любовно и внимательно задерживающиеся на описании волшебных и чудесных явлений и предметов, и есть сказители, для которых на первом плане — описание бытовых подробностей повседневной жизни. Наконец, есть сказители с исключительной любовью к шутке, к балагурству, которое превращают в легкомысленный анекдот самую серьезную фантастическую сказку» [Азадовский 1960: 35]. Автор приводит примеры и других носителей фольклора, которые обнаруживают индивидуальный стиль в своем творчестве. Это и былинный певец, и вопленица [Азадовский 1960: 22-24]. В последнем случае богато одаренной он

Г. Барилски. ГЛУХАРИ

называет Ирину Федосову, плакальщицу-причитальщицу Олонецкого края (60-е гг. XIX в.): «К Ирине Федосовой можно подходить только как к выдающемуся индивидуальному художнику. В богатстве ее описаний, в тонкости психологических черт, в прекрасно задуманных и разработанных диалогах, в ярких характеристиках, в умелом пользовании бытовыми подробностями, в величественных описаниях картин природы, наконец — в сильной и мощной фантастике — во всем этом сказалась незаурядная личность художника-поэта» [Азадовский 1960: 126]. А. Ф. Гильфердинг тоже называет имена певцов, которые в своем творчестве проявляли яркую индивидуальность: «Андрей Сарфанов ... с годами все более и

более отвыкает от распева былин, приучившись передавать их в форме сказки» [Гильфердинг 1938: 207]. Василий Петрович Щеголенок: «Поет он былины негромким, но довольно приятным, хотя уже старческим голосом, соединяя, впрочем, часто в одну былину разнородные сюжеты и не придерживаясь определенного напева в своем речитативе» [Гильфердинг 1938: 259].

Индивидуальный стиль у сказителей обнаруживает также и Е. Н. Елеонская. Она пишет: «Типы серьезного сказочника и сказочника-шутника — типы исконные; благодаря им выработывались те внешние формы, которые облекли различные сюжеты; так, замедленностью рассказа, повторениями, стилистическими формулами сказка обязана главным образом первому типу, а рифмою, ускоренным речитативом, шуткою-прибауткою — второму ... Репертуар сказочников двух указанных типов различается между собой. Серьезный сказочник обычно склонен к передаче рассказов, изобилующих чудесными подробностями; шутник предпочитает анекдот, но в репертуаре того и другого могут быть одни и те же сказки» [Елеонская 1994: 95].

Итак, среди носителей народной культуры есть истинные таланты. «Талант, — как правильно отмечал Ги де Мопассан, — порождается оригинальностью, которая представляет особую манеру мыслить, видеть, понимать и оценивать» [Мопассан 1958: 7]. Исследуемый носитель диалекта обладает такой «манерой», которая проявляется прежде всего в его языке.

Национальный русский язык существует в разных формах, основные из которых — литературный язык и диалекты. «Обладая различной функциональной и социальной характеристикой, литературный язык и диалекты с лингвистической точки зрения являются равноценными языковыми объектами» [Калнынь, Попова 1981: 4]. О различии этих двух форм языка и о факторах, сопутствующих этим различиям, писал еще М. Е. Салтыков-Щедрин: «Атмосфера, которою они <культурные люди> дышат, совсем не та, которою дышит деревня; язык, которым они

говорят, не тот, которым говорит деревня; мысли, которые они мыслят, не те, которые мыслит деревня» [Салтыков-Щедрин 1972: 284]. И говорящие должны не презирать носителей диалекта за их «нелитературность», а, скорее, должны уважать их за это, ибо носители диалекта имеют некоторое преимущество перед носителями литературного языка. По этому факту А. М. Пешковский приводит интересное сравнение, когда говорит о различиях речи интеллигента и речи крестьянина: «Если сравнить речь с другими привычными процессами нашего организма, например, с ходьбой или дыханием, то «говорение» интеллигента будет так же отличаться от говорения крестьянина, как ходьба по канату от естественной ходьбы или как дыхание факира от обычного дыхания. Но эта-то неестественность и оказывается как раз условием существования литературного наречия» [Пешковский 1959: 54].

Об этой же «неестественности» носителя литературного языка писал и Блумфилд: «Единственная опасность, угрожающая говорящему-носителю литературного языка, — это искусственность речи: если он сноб, педант или, если он не уверен в себе, он может заполнить свою речь (по крайней мере, когда он старается показать себя с наилучшей стороны) формами, произношение которых обусловлено написанием, и гротескными «правильными» формами» [Блумфилд 1968: 547]. Такая естественность-неестественность говорения во многом определяется формами речи, а именно устной и письменной.

О связи буквенного письма со звуковой речью много размышлял Гумбольдт: «Обработка и даже разновидность алфавита, а может быть, и его изобретение зависят от степени совершенства языка, а в конечном счете — от языковых предпосылок каждой нации... Однако звучащее слово — это как бы воплощение мысли, а письмо — воплощение звука» [Гумбольдт 1985: 403]. Об «истинности устного языка» и искусственности письменного писал и Блумфилд: «Письмо — это не язык, но всего лишь способ фиксации языка с помощью видимых знаков ... Для того чтобы изучить письменность, мы должны знать кое-что о языке, но обратного сказать нельзя» [Блумфилд 1968: 35].

На этот факт также обращал внимание Бодуэн де Куртенэ: «Существует также разница между психическо-языковой системой лиц, которые только говорят, то есть оперируют в сфере языка исключительно произносительными и слуховыми представлениями, и психическо-языковой системой людей, умеющих читать и писать, то есть лиц, графические и оптические впечатления которых регулируют и корректируют их произношение и слуховые восприятия» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 195]. Письмо, по мнению Бодуэна де Куртенэ, оказывает влияние на мировоззрение, на способности и настроение пишущего и читающего. Отличие же грамотного, то есть умеющего писать и читать человека, по сравнению с неграмотным состоит в том, что «усвоение письма ослабляет память на акустически воспринимаемые и акустически передаваемые явления. Память грамотного человека не была бы в состоянии обеспечить с помощью одного лишь слуха сохранение и передачу таких больших произведений народного эпоса, как русские былины» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 331]. Носитель диалекта (диалекта как устной формы языка) обладает такой долговременной и оперативной памятью (по Бехтеревой), поэтому он способен сохранить языковую традицию и приумножить ее. По мнению Ю. М. Лотмана, «в обществе устной культуры хранились и передавались из поколения в поколение огромные пласты информации, что опиралось и на изоцированную коллективную культуру, и на выделение «гениев» памяти» [Лотман 1992: 203]. На невербализованную память опирается интуиция, которая с интеллектуальной деятельностью и пресуппозицией и составляет процесс творчества. Все знания не поддаются активизации, но память выдает необходимые знания, так

как в мозге они разделены на блоки, которые ассоциативно связаны [Бехтерева 1985]. Чем богаче ассоциативная пресуппозиция, тем богаче личность.

Итак, носитель диалекта усваивает речевые образцы, чтобы удовлетворить ожидания других членов языкового коллектива и быть понятым в процессе общения, достичь наилучшего коммуникативного эффекта. Понятие «языковая норма» охватывает различные функциональные стили языка и условия общения. Языковые нормы формируются и появляются в речевой деятельности носителя диалекта, и потому они — коррелят его языкового сознания.

Нормы представляют такой компонент языкового сознания носителя диалекта, который регулирует выбор языковых средств для построения речевых произведений и поэтому постоянно испытывает на себе обратное воздействие речевой деятельности. Норма становится содержанием языкового сознания носителя диалекта прежде всего через посредство текстов, которые воздействуют на него через каналы речевого общения. Текст — это часть действительности, ориентированная на понимание, и одновременно коммуникативная реализация отношения человека к миру. Соответственно тексты, построенные на основе нормативных принципов, отражают социокультурную действительность и коммуникативную реализацию отношения человека к этой действительности.

Языковая норма поддерживается во всех говорах. «Иногда можно услышать, что даже образованные люди удивляются тому, что в говоре крестьян есть правила и грамматика. Им кажется, что правила существуют только в книгах, которые даются в руки школьнику; по их мнению, язык без письменности не имеет правил. Это ошибка. В говорах же наших крестьян, так называемых «патуа», правила более строги, чем в языках, усвоенных из грамматик. В языках письменных иногда бывают колебания, споры... У каждого носителя диалекта есть ощущение, что он говорит на определенном языке, имеющем известный идеал» [Вандриес 1937: 223]. Об этом же свидетельствуют и метаязыковые тексты, принадлежащие исследуемому информанту: «Скажешь чё-нибудь не по пути — люди засмеют», «Слова должны быть явственные, несомнительны, не надо говорить закувыркам да задним углом».

Между носителями диалекта как бы существует естественно сложившееся молчаливое соглашение сохранять нормативность в языке. Часто такая норма складывается в результате обычного употребления языка, которое представляет собой полную противоположность произволу. Нормы языка нередко формируются благодаря интересу носителей диалекта, проявленному к той или иной форме. Интерес же определяется необходимостью взаимного понимания. Поэтому каждый носитель диалекта всегда инстинктивно сопротивляется произволу в использовании языка. Всякое отклонение от обычного употребления со стороны собеседника непременно замечается («Слов-то у его полон зоб, и все не нашенски»), исправляется («Прозорочисто говори, без выдергу, а то «соблазнить» да «соблазнить», так и говори «ввести в грех») и часто осмеивается («Вот бы, Нинка, тебя изладить в школе робить, учить говорить. Вот потехи-то было бы»). Отступление от нормы приобретает статус правила только тогда, когда многие носители диалекта склонны его допустить в своей речи, т. е. когда ошибка усваивается как норма и, следовательно, уже не воспринимается как ошибка («Шорохова нортабельна («рентабельна»), у нас все так говорят»).

Значит, система языковых и коммуникативных норм предстает в виде некоторого социокультурного пространства возможностей, в котором посредством осознанного выбора, совершаемого в условиях речевых актов, носители диалекта строят и понимают тексты, одновременно открывая и присваивая соответствующие правила. Становясь компонентами языкового сознания, они выполняют конструктивную роль в речевой деятельности.

Народная культура приводит носителя диалекта к тому, что диалектная среда для него оборачивается совокупностью социальных норм, которые подчиняют себе его (носителя диалекта) антропологические и языковые характеристики. Существует взаимосвязь между этими социальными нормами, присущими некой типичной личности в народной культуре, и индивидуализированного мира конкретного носителя диалекта, от которого зависит его адаптация к этим социальным нормам. Норму при этом можно понимать как такую выраженность языковых явлений, которая не мешает языковой адаптации носителя диалекта. Отклонения же от нормы объясняются неким пониманием носителем диалекта меры, эталона, относительно которого и произошло это отклонение. Исходя из сказанного, народную культуру можно представить как систему понятий, норм, образцов, бытующих в диалектной среде, а само «диалектное словоупотребление расценивается как естественное, привычное, лишенное условностей» [Ростова 2000: 23]. Будучи освоенными языковой деятельностью носителя диалекта, эти нормы «работают» на создание внутреннего содержания языковой личности. Благодаря своим личностным качествам, носитель диалекта, ориентируясь на то, что задано, предписано ему социокультурной средой диалекта, может сам сознательно выбирать и строить свое речевое поведение, создавать в себе языковую личность. Значит, языковая личность — это носитель диалекта, свободно определившийся, выработавший свой индивидуальный стиль языковой деятельности в социокультурном пространстве деревни (диалекта). Речевая деятельность носителя диалекта как языковой личности ориентирована на речь других людей, на нормы и ценности крестьянской жизни, которые предрасполагают носителя диалекта к определенному выбору языковых средств. Об интенсивности этого процесса пишет Р. Ф. Пауфошима: «Это постоянное сознание своей тесной связи с социумом до сих пор, несмотря на огромные изменения, произошедшие в деревне, пронизывает бытовое и речевое поведение сельского жителя» [Пауфошима 1989: 42]. Личностная характеристика носителя диалекта, имеющая исходный уровень социокультурной жизни крестьянина, обеспечивается благодаря особым личностным «приобретениям» и основанному на собственном опыте владению языком.

С. Терентьевна ЮРКИНА «ОКА»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960. 548 с.
- Бехтерева Н. П. Нейрофизиологические механизмы мышления. Л.: Наука, 1985. 272 с.
- Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 607 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
- Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Госсоцэконом. изд-во, 1937. 410 с.
- Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Т. 2. Л.: АН СССР, 1938. 711 с.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1996. 845 с.
- Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сборник трудов. М.: Индрик, 1994. 272 с.
- Калнынь Л. Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы развития русистики // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: Материалы конф. Ч. 1. М., 1991. С. 229-236.
- Калнынь Л. Э., Попова Т. В. Синхронное описание одного диалекта как особый вид диалектологического исследования // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М.: Наука, 1981. С. 3-36.
- Лосский Н. О. Характер русского народа. Кн. I-II. М.: Посев, 1957.
- Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
- Лосский Н. О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 416 с.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. 271 с.
- Мопассан Ги де. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 8. М., 1958.
- Мурзин Л. Н. Еще раз о языке и речи // Филология на рубеже XX-XXI вв.: Тезисы докл. междунар. конф., посв. 80-летию Пермского ун-та. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996.
- Павлов И. П. О русском уме // Литературная газета. 1991. № 30.
- Пауфошима Р. Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность: Сборник статей. М.: Наука, 1989. С. 41-48.
- Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. 252 с.
- Проблемы мира и социализма. 1983. № 1.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10: Письма. Л.: Наука, 1979.
- Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2000. 40 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1972.
- Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры. Разд.: Этническая основа русской культуры // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс Универс, 1995. С. 126-140.
- Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
- Weisgerber L. Die Leistung der Mundart im Sprachganzen // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.